

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

САМЫЙ СТРАШНЫЙ СЛЕД

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Самый страшный след / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Беспокойное лето 45-го. Послевоенный детектив).

ISBN 978-5-04-198377-2

Лето 1945 года. На северной окраине Москвы убит отец Илларион, священник местного прихода. По всем признакам это дело рук цыган, охотящихся за церковными ценностями. Сыщики МУРа Иван Старцев и Александр Васильков готовы принять эту версию, но есть одно «но»: в руке убитого священника обнаружена пуговица от старого мундира финского офицера. У цыган такой одежды нет. Подсказка приходит неожиданно — в местную больницу обратился человек, одетый в похожий китель... Оперативники берут след и вскоре выясняют, что убийство отца Иллариона — не случайность, а спланированная месть, следы которой тянутся аж с начала войны...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-198377-2

© Шарапов В., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Смоленск
Сентябрь 1941 года*

«...Руководству города Смоленск и его районов приступить к эвакуации. Кроме гражданского населения, раненых военнослужащих и особенно детей, чьи родители ушли на фронт, позаботьтесь о вывозе партийных архивов и государственных ценностей. Организуйте эвакуацию так, чтобы не спровоцировать панику и сохранить порядок...»

В третий раз ознакомившись с телефонограммой за подписью Сталина, Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко подошел к распахнутому окну и резким движением расстегнул тесный воротничок рубахи.

Сентябрь сорок первого года выдался жарким. Окна душного кабинета выходили на мощный перекресток двух центральных городских улиц. Под ослепительным солнцем блестели трамвайные рельсы, однако последний трамвай просту-

чал по их стыкам давненько — Пантелеймон уже позабыл, когда на совещании в горкоме он проголосовал за прекращение работы общественного транспорта. Транспорт и вправду стал бесполезен. Зачем нужны трамваи, если рельсовые пути постоянно страдают от бомбежек? Если в городе не осталось работающих промышленных предприятий и людям некуда было спешить по утрам?

Немецкие войска стремительно приближались к пригороду Смоленска. Наиболее дееспособные соединения и части Красной армии пытались их задержать, остатки других — разбитых и измотанных — тянулись через город к восточной окраине.

Первые налеты немецкой авиации случились на третий день войны. Первой по-настоящему массовой бомбардировке город подвергся в ночь с 28 на 29 июня. На городские кварталы было сброшено около двух тысяч зажигательных и более сотни крупных фугасных бомб. В результате был разрушен центр Смоленска, сгорело свыше шестисот жилых домов. Зброшенные накануне немецкие диверсионные группы с окрестных высот корректировали работу бомбардировщиков, благодаря чему налет имел высокую эффективность. Практически весь город был объят пламенем, выгорело несколько центральных улиц. После этого бомбардировки стали систематическими.

Вспомнив те нелегкие времена, Пономаренко вздохнул, поморщился. Выглядел он крайне уставшим и разбитым. Последние сутки ему пришлось контролировать окончание эвакуационных работ завода № 35 НКАП СССР. Секретный и очень нужный авиационный завод перебрасывали в город Куйбышев — подальше от линии фронта. Свою семью и большую часть вещей Пантелеймон Кондратьевич отправил в Москву еще раньше. Сам же планировал покинуть Смоленск сегодня. Ему надлежало прибыть в Вязьму, где располагалось руководство тылового обеспечения 16-й армии РККА.

С улицы в кабинет затягивало раскаленный воздух. А вместе с ним залетали звуки, от которых у Пантелеймона холодело в груди. Помимо непрекращавшейся канонады, доносилось урчание моторов и скрип колес проезжавших телег, топот брезентовых солдатских башмаков и причитания женщин, резкие окрики командиров и плач детей. Кто мог, тот спешно покидал город — пешком, на подводах, на автомобилях. Страх и нервозность гражданского населения ощущались уже с июля, когда ожесточенные бои докатились до западной Смоленщины. А уж к сентябрю под нараставшие раскаты канонады люди и вовсе перестали верить в то, что город выстоит.

Пономаренко промокнул платком быстро вспотевшую шею и отметил за окном некую перемену. Основной поток бежавших от неприятеля солдат и мирных жителей иссяк. Колыхаясь на неровностях старой брусчатки, по пустынной улице медленно катила последняя кибитка, верно принадлежавшая цыганскому табору. Вместо лошадей ее тянули и толкали мужчины в разноцветных рубахах.

Зазвонил телефонный аппарат. Пантелеймон нащупал трубку, поднял ее и сиплым голосом ответил:

— Районный комитет ВКП(б), Пономаренко на проводе.

— Пантелеймон Кондратьевич! — послышался в трубке знакомый голос.

Звонил водитель служебного авто Величко — тридцатилетний нерасторопный мужчина родом из Львова.

— Пантелеймон Кондратьевич, вы меня слышите?!

— Да слышу я тебя! Остынь, — поморщился тот от сильного треска. — Ты где запропастился?

— В гараже! Вы же сами приказали! Сколько брать бензина?

— Заправляй полный бак. И прихвати несколько дополнительных канистр. Мы должны доехать до Вязьмы. Понял меня?

- Так точно. Чего ж не понять?..
- Ты к себе домой заехал?
- Нет. Сейчас заправлюсь и заеду.
- Поторопись. Я жду...

Пономаренко повесил трубку, сгреб со стола пачку папирос. Потрясая спичечным коробком, он вдруг втянул голову в плечи и машинально присел — в небе послышался нараставший противный свист, знакомый еще с финской войны.

Он не ошибся: в квартале от здания райкома разорвался артиллерийский снаряд. Дружно хлопая крыльями, в небо тотчас взлетели сотни городских птиц.

— Пора ехать. Опять этот увалень задерживается! Вечно он все делает в последний момент!.. — проворчал Пантелеймон, не попадая спичкой по коробку.

Кое-как прикурив, он выпустил в открытое окно клуб дыма.

На улице стало непривычно тихо: ни автомобилей, ни подвод, ни солдат, ни женщин с детьми и баулами. И даже канонада, почти дошедшая до западной окраины Смоленска, почему-то умолкла.

От гнетущей и пугающей тишины стало не по себе. Толкнув створку окна, Пономаренко хотел

вернуться к столу, но задержался, уловив сквозь листву слабое движение.

Приглядевшись, он заметил неуклюже бежавшего по мощеной дороге священнослужителя. Ноги его путались в длинной рясе, темный головной убор норовил слететь с седой головы.

«Поп, что ли? А он-то куда торопится? — подивился про себя Пантелеймон. — Видать, тоже решил бросить паству и смыться подальше на восток. Знать, не один я такой. Все о своей шкуре в первую очередь думают...»

Москва

Август 1945 года

— Опять эти цыгане! — ворчал майор милиции, подшивая в папку только что составленные документы. — Ну что за люди, ей-богу! Спасу от них нет. Всю войну драпали от нацистов; тише воды ниже травы были. А теперь опять за свое...

Бухнула деревянная дверь. В проем ввалился запыхавшийся оперуполномоченный Ивлев, только что вернувшийся из села Челобитьево.

Старший следователь Мытищинского УВД закрыл картонную папку и вопросительно глянул на капитана.

— Прибыл, товарищ майор.

— Ну и?

Ивлев снял фуражку, тяжело опустился на стул.

— Провел повторный осмотр места преступления. Все перерыл. Ничего. Разве что вот это...

Он выудил из брючного кармана аккуратно сложенный платок, развернул его, извлек из складок какой-то предмет и положил его на стол. А пустым платком принялся промокать вспотевшие лоб и шею.

подавшись вперед, следователь внимательно осмотрел со всех сторон темно-зеленую металлическую пуговицу.

— От финского мундира М36, — заключил он.

— А я подумал: немецкая.

— Нет, от мундира финского пограничника или егеря. Повидал я такие в тридцать девятом. Добротная формяжка из тонкого сукна мышинового цвета, зеленые пуговицы с благородным отливом, у пограничников — эмблемы в виде головы медведя с мечом, а в петлицах розочки вместо наших кубарей.

— Розочки? — подивился относительно молодой капитан.

— Именно. И где же ты нашел эту пуговицу?

— В кулаке убитого была. Еле разжал одеревеневшие пальцы.

Майор напомнил:

— Там было двое убитых. Давай поточнее.

— У Якова Чернова.

— У цыгана, значит. Но ведь на священнике была простая рубаха, а не финский мундир?

— Так.

— Значит, цыган оторвал ее у кого-то другого?

— Выходит, так, — согласился оперуполномоченный. И добавил: — Я тоже не могу понять, откуда она взялась и что произошло в доме священника.

— А мы должны понять, Ивлев. Обязаны! — Старший следователь поднялся со стула и прошелся по небольшому кабинету. — Этим странным убийством знаешь кто заинтересовался?

— Кто? — почти шепотом спросил капитан.

Майор не ответил. Он лишь многозначительно поглядел в потолок, и этого оказалось достаточно.

Офицеры закурили. Старший следователь застыл в задумчивости у окна, его подчиненный покусывал губы и сосредоточенно глядел в пол...

* * *

Поначалу преступление, совершенное в селе Челобитьево Мытищинского района Московской области, не показалось сыщикам чем-то

примечательным. Произошедшее под Москвой представлялось простым и очевидным следствием людской алчности. Во время войны и сразу после нее таких преступлений случалось множество.

Семидесятилетний настоятель местной церкви отец Илларион потратил около двух лет, собирая пожертвования для возведения нового здания церкви взамен старого, наполовину разрушенного. Стены, возведенные из красного обожженного кирпича три столетия назад, честно отслужили свой срок и ныне просели, пошли трещинами, местами обвалились. Сумма на новую церковь накопилась значительная, однако для начала строительства ее не хватало, и сбор продолжался. Вероятно, священник стоптал не одну пару обуви, обходя ближайšie селения и встречаясь со своей паствой. Причащал, крестил, отпускал грехи и просто беседовал, поддерживая в трудные часы.

Меж тем в начале сорок пятого года близ железнодорожной станции Мытищи расположился цыганский табор численностью до полутора сотен душ. Во время войны, спасаясь от нацистов, цыгане мыкались от смоленских лесов до черных муромских болот. Теперь же осели в мирном

Подмосковье. Женщины из табора по традиции «оккупировали» местные рынки, где с выгодой выменивали вещи. Мужчины занимались ремеслами: одни шили сапоги, другие чинили конскую упряжь, третьи выжигали алебастр и доставляли его на местные стройки. Дети младшего возраста были предоставлены сами себе, подростки занимались лошадьми.

Расстояние от Мытищ до Челобитьева было небольшим — менее пяти верст, да и слухами земля русская всегда полнилась. В общем, согласно милицейской версии, прознали цыгане о церковной казне и задумали обогатиться без излишней натуги. Ближайшей ночью они прибыли в село, вломились в дом отца Иллариона и стали требовать ключи от церквушки, где хранились пожертвования. Старик оказался не робкого десятка и ключи не отдал. Тогда молодчики из табора начали его избивать. Но и тут священник Русской православной церкви сумел за себя постоять.

Окончилось все печально и вместе с тем предсказуемо: отец Илларион пал под натиском нападавших и вскоре скончался от ран и побоев; также истек кровью и погиб от случайного ножевого ранения и один из нападавших — цыган Яков Чернов.

В другой раз это дело у следствия не задержалось бы. Ведь даже найденная в кулаке цыгана пуговица от финского военного мундира главной версии не противоречила. В дом старца ввалились несколько цыган, после пререканий началась борьба, в ходе которой смертельно раненный Чернов, вероятно, оторвал пуговицу от мундира одного из сообщников. Может, теряя силы, пытался устоять на ногах или еще как.

Казалось бы, что еще нужно? Все логично. Все гладко. Оставалось лишь внезапно нагрянуть в табор, произвести обыск и арестовать наиболее подозрительных. Ну а дальше по накатанной стезе: холод и страх одиночных камер, урезанная пайка, изматывающие допросы. Как правило, данная тактика срабатывала без сбоев. Слабые духом ломались сразу. Другие держались неделю-две. Некоторые — особо стойкие — выдерживали до месяца, а затем все равно подписывали любые протоколы.

Но с данной схемой пришлось повременить, потому что в скорейшем расследовании убийства священника было заинтересовано самое высокое начальство. Это означало одно: предстать перед судом должны только те, кто на самом деле повинен в преступлении.

* * *

Яркое солнце почти не проникало в обшитый ценными породами дерева кабинет. Плотные портьеры были сдвинуты, и лучи через оставленные тонкие щели едва освещали выстланный красными коврами пол. В большом кабинете было тихо. Лишь настенные часы тускло поблескивали маятником и размеренным перестуком отсчитывали минуты.

Хозяин кабинета Лаврентий Павлович Берия очинял сломанный карандаш. Слева от него горела настольная лампа, рядом с ней в письменном приборе торчало не менее десятка новеньких остро отточенных карандашей. Однако нарком с удовольствием предавался любимому занятию. Напротив него на мягком стуле скромно расположился один из секретарей ЦК ВКП(б), отвечавший в том числе за идеологию. На эту должность он заступил недавно, и это ощущалось по робости и его беспокойному, растерянному взгляду.

— Вам, полагаю, интересно, почему я лично занимаюсь этим делом? — Нарком опробовал подушечкой указательного пальца остроту отточенного грифеля.

Секретарь ни словом, ни движением не выказывал данного интереса. Те несколько минут, что

он находился в этом кабинете, его терзал единственный вопрос: зачем всемогущий нарком его вызвал? Услышав историю о недавнем убийстве священника на окраине Москвы, секретарь слегка успокоился.

— Да, Лаврентий Павлович. Признаться, я немного озадачен, — произнес он тихим взволнованным голосом. — В Московском уголовном розыске наверняка имеются опытные следователи, которым вы могли бы поручить это дело и не заниматься им лично.

— Конечно, у нас такие есть. И я сегодня же дам им задание. А вас я пригласил вот зачем. — Берия сверкнул стеклами пенсне. — Мы победили в очень тяжелой и продолжительной войне, во время которой не всегда успевали наводить порядок у себя в тылу. Всякое здесь случалось. Но на то имелись веские причины: ослабленный состав районных отделов, вызванный отправкой на фронт самых опытных сотрудников; неиссякаемый поток беженцев; неразбериха; другие заботы — голод, раненые. Но сейчас, слава богу, трудные времена закончились, и каждое преступление должно расследоваться максимально тщательно, а каждый преступник должен понести заслуженное наказание. Это во-первых... — Берия говорил медленно, тягуче, словно выдавливая из себя звуки, из кото-

рых складывались слова. При этом, не поднимая на собеседника взгляда, он поглаживал пухлыми пальцами карандаш. — Во-вторых, как ни крути, а православная церковь тоже приложила немало сил для нашей общей победы. И мы не должны забывать об этом.

— Да-да, Лаврентий Павлович, — впервые осмелился перебить его секретарь. — Церковь заняла правильную позицию, пробуждая и укрепляя патриотические чувства среди верующих.

— Совершенно верно, — кивнул Берия. — И верующих настраивала на победу, а их в нашей стране все еще много. Очень много. Слышали, наверное, такую поговорку: на войне атеистов не бывает?

— Конечно, Лаврентий Павлович.

— Не на пустом месте появляются такие поговорки. Также не следует забывать и о материальной поддержке, которую церковь оказала государству. Епархии переливали в металл колокола, жертвовали церковную утварь и крупные денежные суммы. А некоторые священники принимали активное участие в партизанском движении. Поэтому, суммируя все вышесказанное, мы обязаны в кратчайшие сроки найти преступников, зверски убивших в Мытищинском районе настоятеля одной из церквей — отца Иллариона.

Найти и покарать их по всей строгости нашего закона.

— Полностью с вами согласен, Лаврентий Павлович.

— Это хорошо, что вы согласны, — посмотрел на собеседника Берия. Взгляд его был настолько пронзительным, что собеседник на секунду задержал дыхание.

— Я могу как-то посодействовать? — робко поинтересовался он.

— Не только можете, но и должны в соответствии с новыми обязанностями. Я потому и пригласил вас, чтобы посоветоваться. Как вы считаете, не следует ли напечатать в двух-трех центральных газетах статьи о происшествии в селе Челобитьево и о том, что партия и правительство взяли расследование под свой личный контроль с тем, чтобы убийцы не ускользнули от правосудия?

— Это хорошая идея. Я готов обдумать ее и дать поручения соответствующим периодическим изданиям.

— Обдумайте и дайте. Только не торопитесь. Нельзя этими статьями спугнуть преступников.

— Я готов, Лаврентий Павлович, представить вам для ознакомления черновики статей через неделю.

— Договорились. Жду вас в следующий вторник.

Кивнув, секретарь ЦК ВКП(б) удалился. А нарком, глянув на циферблат настенных часов, бросил отточенный карандаш на стол и вызвал помощника.

— Комиссара Урусова ко мне, — распорядился он. — Срочно!

— Слушаюсь, товарищ нарком.

Через двадцать пять минут начальник Московского уголовного розыска Александр Михайлович Урусов вошел в кабинет Берии.

* * *

— Вот такая, значит, картина, товарищи, — остановился у своего стола майор Иван Старцев. Постукивая кончиком трости по ножке стула, он добавил: — И вот что я еще скажу. Никогда я не видел комиссара Урусова таким мрачным и озабоченным. Не иначе задачу ему ставили там. — Иван многозначительно кивнул в сторону ближайшего окна, из которого были видны башни Кремля.

— И сколько же нам дали времени, Харитонич? — мрачно пробасил капитан Егоров.

— Ровно пять дней. В следующий понедельник утром я обязан доложить Урусову результаты.